

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
CULTURAL LINGUISTICS:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439

EDN: GBLHRZ

Научная статья

**Лингвокультурные основы
вербальной агрессии в русском языке**

М.Л. Лаптева , М.А. Фирсова

*Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева,
Астрахань, Российская Федерация*

 hohlina2004@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью форм проявления агрессии в контексте культуры, а также недостаточным описанием экстралингвистических предпосылок агрессии, соотносимых с предметной областью культуры, и внутриязыковых средств и способов культурной референции агрессии. Цель исследования – выявить лингвокультурные основы выражения агрессии в русском языке и описать средства ее вербализации сквозь призму бинарной категории «Свой/Чужой», которая лежит в основе этнических конфликтов. Для достижения поставленной цели использовался метод дефиниционного, семантического, лингвокультурологического анализа, описательный метод, проводился социолингвистический эксперимент, а также нашли применение метод сплошной выборки из лексикографических источников и прием количественных подсчетов полученных ответов участников эксперимента. Материалом исследования послужил корпус из более чем 50 лексико-фразеологических средств русского языка, вербализующих агрессивное отношение к «чужой» культуре и «чужому» этносу», и круг этнофолизмов, полученных в результате проведенного среди учащихся старших классов школ г. Астрахани социолингвистического эксперимента. В результате определено, что агрессия в русском языке имеет культурологическое объяснение: она обусловлена идентификацией этноса по принципу «свой – чужой». Установлено, что лингвокультурную основу агрессивной семантики составляет семантика «чуждости», которая выражается посредством демонстрации явно негативного отношения к «чужому», что и является целью агрессивного действия. Выявлено, что особую группу лексических средств, которые являются лингвокультурными маркерами агрессии, образуют единицы, негативно характеризующие представителей/артефакты «чужой» культуры. Доказано, что лингвокультурными маркерами агрессии являются этнофолизмы. В частности, для языкового сознания молодежи в равной степени актуальны агрессивные номинации этносов, исторически проживающих и в дальнем зарубежье, и в российском поликультурном регионе. Определено, что

© Лаптева М.Л., Фирсова М.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

с экстралингвистических позиций закрепление и активизация в языке враждебных лексико-фразеологических средств обусловлены межкультурными историческими контактами народов, которые в настоящее время подвергаются рефлексии в публицистическом дискурсе и интернет-коммуникации. Перспектива исследования видится в использовании его результатов в разработке концепции преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве, где фактор враждебности препятствует воспитанию толерантной личности.

Ключевые слова: русский язык, вербализация, лингвокультура, свое, чужое, этноним, этнофолизм

История статьи: поступила в редакцию 11.03.2023; принята к печати 28.06.2023.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-28-10019 «Концепция преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве Прикаспия» (2023–2024 г.).

Для цитирования: Лантева М.Л., Фирсова М.А. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 424–439. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439>

Введение

Агрессия, находящаяся изначально в поле зрения психологов, социологов, философов, стала объектом лингвистического познания относительно недавно. Исследование посвящено проблеме выявления лингвокультурных основ выражения агрессии средствами русского языка.

Обращение к названной проблеме представляется актуальным в силу антропоцентрической направленности большинства современных лингвистических исследований, где в неразрывной связи представлены язык, человек и культура. Как известно, «язык выступает источником познания культуры и одновременно инструментом для ее постижения, в то же время культуру невозможно понять без ее соотнесенности с народом, взятым как целостность» (Лантева, 2016: 54).

Изучение форм проявления агрессии сквозь призму культуры соотносится с выявлением экстралингвистических предпосылок агрессии, соотносимых с предметной областью культуры; установлением набора внутриязыковых средств и способов культурной референции агрессии; определением методов и результатов изучения и описания культурной семантики «агрессивных» единиц языка. Полные ответы на данные вопросы пока в науке о языке получены не были.

Агрессия как лингвистический феномен подвергалась изучению в работах исследователей XX–XXI вв., действующих в различных направлениях и придерживающихся разных подходов к языковому осмыслению агрессии и агрессивности.

Прежде всего, наблюдается терминологическая полифония. Употребляются специальные словосочетания «языковая агрессия» (Апресян, 2003), «речевая агрессия» (Воронцова, 2006), «вербальная агрессия» (Шейгал, 1999), «словесная агрессия» (Дашковский, 1995), нередко взаимозаменяемые в современных лингвистических исследованиях (см., например: Щербинина, 2006). В зарубежных работах встречаем obscene language (Baudhuin, 1973; Dreizin, Priestly, 1982), hate speech (Baker Edwin, 2008; Strossen, 1995), verbal aggression (Agar-

Hutton, 2003; Infante, Wigley, 1986). В исследовании остановимся на термине «вербальная агрессия», которым будет обозначать словесные формы, с помощью которых в языке выражается агрессия.

Вербализация агрессивного связывается с семантикой вражды (так, лексикографическим событием можно назвать выход в свет «Словаря актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI в.» (Леонтьева, Щетинина, 2021)), деструктивной семантикой и актуализируется посредством таких единиц, как инвективные или шире – пейоративные, содержащие негативные смысловые эмоционально-оценочные семы, в другой терминологии – конфликтогенная лексика. Авторы дают толкования словам, характеризующим процесс общения с точки зрения реализации стратегий согласия (сотрудничества) и конфронтации, особенно актуальных для сферы межкультурной коммуникации.

В семантическом поле агрессии понятие конфликта пересекается с понятиями нормы и ее нарушения, табу и эвфемизации, толерантности и интолерантности, коммуникативной свободы и политкорректности и др.

Векторы изучения вербальной агрессии направлены на такие основные научные области, как медиалингвистика, юрислингвистика, контрастивная лингвистика. В большом количестве работ, освещающих проявления речевой агрессии, в качестве материала исследования используются именно медиатексты (Воронцова, 2006; Старова, 2000; Черкасова, 2011 и др.). Специалисты в области юрислингвистики дают юридическую квалификацию проявлениям агрессии в речи (Баранов, 2007; Бринев, 2009; Галяшина, 2003 и др.). Кроме того, проводится исследование эмоциогенных текстов в кросс-культурном аспекте (Селиверстова и др., 2023) и манифестации агрессии на материале различных языков (Лазебная, 2007; Маковский, 2006; Файзуллина, 2008 и др.). В коммуникативной лингвистике рассматриваются в том числе средства выражения стратегии дискредитации и реализующие ее «агрессивные» тактики (Иссерс, 2008; Пекарская, 2009; Федорова, 1991 и др.). Занимается изучением языковой агрессии и дискурсология как отдельное направление коммуникативной лингвистики. В частности, З.К. Темиргазина и М.С. Бачурка исследуют негативно-оценочные речевые акты агрессивного характера, функционирующие в русскоязычном педагогическом дискурсе (Темиргазина, Бачурка, 2017).

Однако системных исследований, направленных на установление связи агрессии в русском языке с проблемами межкультурной коммуникации и изучением «агрессивных» вербальных средств выражения отношения к «чужой» культуре, до сих пор не проводилось.

Итак, **цель исследования** – выявить лингвокультурные основы выражения агрессии в русском языке и описать средства ее вербализации сквозь призму бинарной категории «Свой/Чужой», которая лежит в основе этнических конфликтов.

Методы и материалы

Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач использовались следующие методы:

– описательный, включающий приемы наблюдения, а также лингвистической интерпретации и сопоставления собранного языкового материала;

– дефиниционный анализ, применяемый с целью установления определений базовых для исследования научных понятий;

– семантический анализ, с помощью которого рассматривалась семантическая структура агрессивных лексических единиц русского языка и выявлялись «агрессивные» компоненты их значения;

– лингвокультурологический анализ, позволивший установить культурные основы агрессивной семантики языковых единиц;

– социолингвистический эксперимент, проведенный среди учащихся 9–11 классов средних общеобразовательных школ г. Астрахани, обучающихся в естественным образом сформированных многонациональных коллективах, так как Астраханская область является поликультурным регионом, на территории которого исторически проживает (по разным данным) от 120 до 200 народов и народностей. Всего в эксперименте приняли участие 53 школьника. Респондентам была предложена следующая форма для заполнения:

1. Какие названия представителей данных национальностей есть в русском языке?

2. Какие из приведенных вами названий выражают пренебрежение и являются оскорбительными? Поставьте знак «минус» рядом с этим словом.

Слова в материалах распределены по двум колонкам: в первую помещены этнонимы, обозначающие представителей дальнего зарубежья, во вторую – этнонимы, номинирующие жителей из стран ближнего зарубежья (таблица).

Этнонимы

Дальнее зарубежье	Ближнее зарубежье
Американцы	Азербайджанцы
Афроамериканцы	Армяне
Англичане	Белорусы
Евреи	Грузины
Европейцы	Дагестанцы
Итальянцы	Казахи
Китайцы	Татары
Немцы	Узбеки
Поляки	Украинцы
Турки	Чеченцы
Французы	
Шведы	
Японцы	

Кроме того, в работе нашел применение метод сплошной выборки из лексикографических источников и прием количественных подсчетов полученных ответов участников эксперимента.

Материалом исследования послужил корпус лексико-фразеологических средств русского языка, вербализующих агрессивное отношение к «чужой» культуре и «чужому» этносу. Всего проанализировано свыше 50 единиц,

взятых из академических толковых и фразеологических словарей¹. Текстовые примеры взяты из Национального корпуса русского языка².

В работе использовались также языковые материалы, полученные в результате проведенного социолингвистического эксперимента, позволившего определить круг этнофолизмов – одних из значимых лингвокультурных маркеров вербальной агрессии.

Результаты

В результате проведенного лингвокультурологического исследования установлено следующие:

1. Агрессия в русском языке имеет не только психологическое, философское, социологическое, но и культурологическое объяснение: она обусловлена идентификацией этноса по принципу «свой – чужой». Объектом, на который направлена агрессия, являются «чужой» этнос в целом, человек как представитель «чужой» культуры или отдельные элементы инокультурного.

2. Лингвокультурную основу агрессивной семантики составляет семантика «чуждости», базирующаяся на понятиях «ксенофобия» и «интолерантность», которые тесно связаны с понятием враждебности и выражаются посредством демонстрации явно негативного отношения к «чужому», что и составляет цель агрессивного действия.

3. Особую группу лексических средств, которые являются лингвокультурными маркерами агрессии, составляют единицы, негативно характеризующие представителей/артефакты «чужой» культуры. Актуальными семантиками в прагматическом блоке лексического значения таких единиц являются следующие: «неодобрение», «пренебрежение», «уничтожение», «презрение», «оскорбление».

4. Лингвокультурными маркерами агрессии являются этнофолизмы – «этнические прозвища», которые нередко объективируют отрицательные гетеростереотипные представления носителей русского языка. Как показало исследование, для языкового сознания молодежи в равной степени актуальны агрессивные номинации этносов, проживающих и в дальнем зарубежье, и в исторически сложившемся российском поликультурном регионе.

5. С экстралингвистических позиций закрепление и активизация в языке враждебных лексико-фразеологических средств обусловлены межкультурными историческими контактами народов, которые выстраивались в течение продолжительного времени, а в настоящее время подвергаются рефлексии в публицистическом дискурсе и интернет-коммуникации.

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : ТЕРРА, 1995; *Елистратов В.С.* Словарь русского арго. М. : Русские словари, 2000. 694 с.; *Лантвева М.Л.* «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве : познавательный словарь-справочник. Астрахань : Сорокин Роман Васильевич, 2019. 204 с.; *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь : свое и чужое : опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 томах. СПб. : Русские словари, 1994. 819 с.; *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М. : Русские словари; Астрель; АСТ, 2001. 800 с.; Толковый словарь русского языка : в 4 томах / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М. : ТЕРРА, 1996. 824 с.

² Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru>

6. Соотнесение материалов эксперимента с лексикографически закрепленными нелитературными единицами доказывает, что лишь часть «агрессивных» номинаций входит в активный словарь языка, в то время как многие лексемы являются результатом лингвокреативного мышления носителей языка и получили распространение, скорее всего, в процессе функционирования в интернет-пространстве. Однако неизвестно, войдут ли они в лексический состав русского языка. Тем не менее их актуализация в языковом сознании респондентов свидетельствует о потенциальных коммуникативных конфликтах, которые могут возникнуть между различными этническими группами.

Обсуждение

Граница между «своим» и «чужим», «своими» и «чужими» проходит в социокультурном пространстве отчетливо, и данная архетипическая двучленная категория представляется как противопоставление (дихотомия) «своей» и «чужой» культуры в самом широком понимании слова «культура».

Определяя себя и другого в терминах «Свой/Чужой», носители языка зачастую дают «чужому» негативную качественную оценку, выражая таким образом неприязненное отношение к тем, кто не вписывается в их представления о норме, не соответствует эталону внешности, демонстрирует иные культурные установки и пр., а в целом – является представителем другого этноса, народа, другой национальности и поэтому может потенциально стать объектом проявления агрессии.

В рамках данного исследования мы ограничились лишь рассмотрением лексических и фразеологических вербализаторов агрессии, направленной против «чужих». И лексическая, и фразеологическая системы языка всегда чутко реагируют на изменения, происходящие в общественном сознании, и отражают их, аккумулируя уже в языковом сознании мировидение и мировосприятие, а главное – отношение носителей языка к инокультурному, «чужому».

Возвращаясь к значению слова «агрессия» в языке-источнике (от лат. *aggressio* – ‘нападение’), в исследовании будем соотносить понимание агрессивной единицы языка (или речи) с актом сознательного или бессознательного вербального нападения, то есть выражения обвинения, порицания, критики, упрека. На уровне лексической и фразеологической семантики это проявляется в первую очередь в закреплении в прагматическом блоке значения языковых единиц следующих коннотативных сем: «неодобрение», «пренебрежение», «уничтожение», «презрение», «оскорбление». В случае речевой реализации агрессии перечисленные семы актуализируются в той или иной коммуникативной ситуации (в пределах контекстного употребления).

Анализ лексикографических данных

Заметим, что различные отрицательные гетеростереотипы, детерминированные историей межэтнических отношений или особенностями непосредственной этноконтактной среды, являются основаниями как для негативной номинации всего, что связано с «чужой» культурой, так и для наименования новых социальных явлений, подвергающихся таким образом вербальной агрессии.

Поскольку слово обнаруживает тесные связи с социальным действием, сам факт функционирования этнонимов и других культурно маркированных

языковых знаков определяет отдельные аспекты языкового существования в условиях контраста между культурами. Так, «чаще всего в состав фразеологических единиц входят компоненты – названия таких народов, образ жизни которых резко отличается от жизни носителей данного языка» (Лаптева, 2016: 132). В частности, единицы с компонентом «цыган» или «цыганский» отражают стереотипы о поведении представителей данного народа, причем такое поведение явно не соответствует социальной норме с позиции русскоговорящего: устойчивые сравнения *кочевать* (*бродить, переезжать, переходить с места на место; не иметь постоянного пристанища*) как *цыган*; *торговаться* (*рядиться, менять(ся)*) как *цыган*³ имеют лексикографическую помету «неодобрительное». Фразеологизмы *цыганская жизнь* (*цыганское житье*) и *цыганская душа* (*натура*) могут приобретать негативные смысловые оттенки в процессе речепотребления. Например: «Привалов старший принужден был убедиться, что Привалов младший бесповоротно погибший человек – как человек, который чувствовал физическое отвращение ко всякому труду и с болезненной жаждой отыскивал везде одни удовольствия. Это была вполне **цыганская натура**: неусидчивая, беспокойная и вместе с тем глубоко апатичная» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

К негативно-оценочным фразеологическим единицам с инокультурным компонентом относятся также *кукла американская* – ‘о том, кто мешает, раздражает, сердит’⁴; *жадный как еврей* – ‘об очень жадном, скупом человеке’⁵; *гнилой Запад* – ‘указание на известную разницу в развитии России и западных стран’⁶; *суций итальянец* – ‘пройдоха’⁷; *китайский болванчик* – ‘самодовольный и ограниченный человек’⁸; *как на турецком базаре* – ‘о шумном месте, где царит беспорядок’⁹; *Ну ты и турок!* – ‘о глупом, недалеком, плохо воспринимающем информацию человеке’¹⁰; устойчивые выражения *Бей жидов, спасай Россию! Руки прочь от Кубы! Русский немцу задал перцу! Незванный гость хуже татарина* и др.

Вспомним агрессивные лексические единицы, например *цыганищина* – в прямом значении так неодобрительно называется ‘стиль вульгарно-сентиментальных песен и их исполнения, созданный в подражание цыганским мелодиям и цыганской манере исполнения’¹¹ и *цыганча* – пренебрежительно-уничижительное от этнонима *цыгане* – ‘народ индийского происхождения, живущий в разных странах мира, а также лица, относящиеся к этому народу’¹². Например, в обсуждениях на одном из форумов встречаем: 1) *Эта цыганча как накинута на нее [кондуктора] и заявила в наглу, типа платить не будем, денег нет*; 2) *Вроде бы в Ухте давно не было такого паломничества*

³ Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка... С. 745.

⁴ Лаптева М.Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве... С. 16.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Там е. С. 154.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ Толковый словарь русского языка. Т. 4. С. 1229.

¹² Там же.

цыганчи¹³. Кроме того, актуальной в настоящее время является лексема *инфоцыгане*, которая еще не нашла отражения в академических словарях, но активно функционирует для называния людей, которые в интернет-пространстве зарабатывают на наивных подписчиках, предлагая им различные обучающие курсы, услуги и товары, а также производное *инфоцыганство*, обозначающее соответствующее социальное явление¹⁴. Этноним *цыгане* играет значительную роль в выборе единицы наименования для данной категории людей, так как именно семантика обмана, лжи, жульничества, лежащая в основе стереотипных преставлений о цыганах, делает возможным отнесение лексической инновации к группе агрессивных, наряду с уже бытующими в языке *цыганщина* и *цыганча*.

Эту же группу агрессивных лексических единиц – отэтнонимических/оттопонимических производных – образуют *американщина*, *армянщина*, *итальянщина*, *европейщина*, *еврейщина*. Словообразовательным средством в каждой номинативной единице является суффикс -щин-, с помощью которого образуются либо имена существительные, которые обозначают бытовое или общественное явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим именем прилагательным (*американщина* – ‘нечто американское, произведенное в США, характерное для американцев и их культуры’; *армянщина* – ‘нечто армянское, характерное для армян и армянской культуры’; *европейщина* – ‘нечто относящееся к европейцам, к их языкам, образу жизни, культуре’; *еврейщина* – ‘нечто еврейское’; у слова *итальянщина* первичное значение является более узким, в отличие от значения одноструктурных слов – ‘присутствие в музыкальном произведении, преимущественно в опере, шаблонных приемов итальянской музыки (слащавость мелодии, обилие формальных украшений при бедности музыкального содержания)’¹⁵, либо имена существительные, имеющие вторичное собирательное значение (*иностранищина* – ‘все иностранное, «чужое»’). Отметим, что все слова передают в современном русском языке негативные смыслы и выражают неодобрительное отношение к объектам «чужой» культуры. Например: *Обратим внимание на «внешнюю» деталь: в языке первой главы романа очень много иностранных слов. Для чего здесь вся эта **иностранищина**? Неужто случайно?*¹⁶

По-разному ведут себя в языке единицы *немецщина* и *азиатщина*.

Лексема *немецщина* (*немецщина*) зафиксирована еще в словаре М.И. Михельсона «Русская мысль и речь» в иносказательном значении без какой-либо стилистической пометы – ‘иностранное, нерусское (о земле, нравах)’¹⁷. Одновременно слово *азиатщина* (*азиатщина*, *азиатщина*) отмечается в этом же

¹³ Новости. Ухта. Форум. URL : <https://uhta24.ru/forum/?id =1fb1k9op2y339870518> (дата обращения : 29.03.2023).

¹⁴ Сиднев Д. В Госдуме предложили создать реестр «инфоцыган» // Обозрение. 2022, 18 февраля. URL : <https://oboz.info/v-gosdume-predlozhili-sozdat-reeestr-infotsygan/> (дата обращения : 29.03.2023).

¹⁵ Толковый словарь русского языка. Т. 1. С. 1265.

¹⁶ Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе : методологические очерки о методике. Тула: Автограф, 2000. 224 с. URL : https://scepis.net/library/id_2556.html (дата обращения : 30.03.2023).

¹⁷ Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Т. 2. С. 45.

словаре как обозначающее 'противоположные европейские обычаи, то есть грубые; отсутствие цивилизации' (обратим внимание на лексические средства выражения агрессии по отношению к «чужим» – *азиат (азиат)* (иноск.) – 'грубый, невоспитанный человек' и *Азия!* – 'отсталый народ, отсталая страна')¹⁸. Отрицательные коннотации слово сохраняет и в современном употреблении ('некультурность', 'культурная отсталость', 'грубость' и 'жестокость'), где теми же негативными смысловыми компонентами обрастает значение слова *немецчина*. Уже в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова обнаруживаем переносное значение – 'все немецкое (о нравах, привычках, образе жизни)', снабженное пометой «неодобрительное»¹⁹. Сравним: 1) «*Безделье, пассивность, пьянство, низкий уровень интеллекта, подлость, лицемерие, стадное чувство и многое другое – вот спутники азиатчины*»²⁰; 2) *Страну давила немецчина, объедал помещик, утеснял патриарх* (А. Веселый. Россия, кровью умытая).

Слова типа *цыганча* и *немчура* примыкают к этнофолизмам – неофициальным названиям (прозвищам) народов и национальностей (см.: Березович, Гулик, 2002; Коробкова, 2009; Фофин, 2008 и др.) и тоже имеют ярко выраженный агрессивный, то есть уничижительный и оскорбительный, характер. Например: 1) «*Паразит, дармоед, сидишь на нашей шее со своей оравой, бездельник, ничего, кроме детей, не умеешь делать, подбашмачник, немчура проклятая!*» (А. Рыбаков. Тяжелый песок); 2) «*Все лучшее проклятая немчура опоганила, – вздохнул он так, как вздыхаем мы при воспоминании об утраченных чистоте и невинности*» (С. Данилюк. Бизнес-класс).

Заметим, что жаргонной речи (арго) принадлежит, по нашим подсчетам, свыше 50 таких единиц, зафиксированных в «Словаре русского арго»²¹: *американ, бундес, евреец, зербуд, итальяха, носан, петлюровец, финик, чучмек, шашлык* и др.

Все вышеперечисленные языковые единицы, на наш взгляд, можно отнести к лингвокультурным маркерам агрессии. Факт признания «инаковости» чужого, который акцентуируется в речи как в ситуации межкультурного контраста, так и во внутрикультурной коммуникации, становится одним из факторов, провоцирующих проявление агрессии.

Анализ результатов социолингвистического эксперимента

В рамках исследования был проведен социолингвистический эксперимент с целью выявления степени знакомства носителей языка с этнофолизмами. Подчеркнем, что нам было важно не выяснить степень употребительности той или иной агрессивной единицы, а определить, входит ли она в языковое сознание реципиента, что косвенно могло бы свидетельствовать и об уровне его языковой агрессии по отношению к представителям «чужого» народа.

Проанализируем полученные группы этнических номинаций по двум параметрам: 1) степени языковой рефлексии, определяемой по количеству полученных этнофолизмов; 2) степени знакомства респондентов с этнофо-

¹⁸ Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Т. 1. С. 9.

¹⁹ Толковый словарь русского языка. Т. 2. С. 518.

²⁰ Общество Память // LiveJournal. URL : <https://pamyat-rfo.livejournal.com/50211.html?ysclid=503796648> (дата обращения : 30.03.2023).

²¹ Елистратов В.С. Словарь русского арго. М. : Русские словари, 2000. 694 с.

лизмами, определяемой по встречаемости того или иного этнофолизма в ответах испытуемых.

По нашим данным, наибольшей языковой рефлексии подвергаются японцы. Зафиксировано 14 неофициальных лексем, обозначающих данный народ: *япошки, узкоглазые, азиаты, анимешники, анимешники, анимешные уродцы, аниметянки, камикадзе, фетишисты, сушисты, китайцы, танки, корсаки, желтож...ые*. Однако из перечисленных единиц частотностью обладают только первые три: *япошки* – 11 употреблений, *узкоглазые* – 5 употреблений, *азиаты* – 4 употребления. Остальные единицы встречаются в ответах респондентов не более двух раз. Именно частотные единицы были отмечены участниками эксперимента как являющиеся оскорбительными.

Евреи получают 12 обозначений: *жиды* (6 употреблений), *жадные* (4 употребления), *иудеи* (3 употребления), *гои, гении, мажоры, горячие люди, воры, угорелые, фрики, они тоже люди, кудряши, шашлыки (шашлычки)*. На наш взгляд, полученные лексические номинации не могут свидетельствовать о высоком уровне агрессии, проявляемом по отношению к лицам данной национальности. Большинство представленных единиц имеет ироничный или шуточный оттенок. Подтверждается это и тем, что из 53 участников эксперимента только 6 смогли вспомнить пренебрежительную единицу «жид», следовательно, неактуальную для языкового сознания современной молодежи.

Англичане в общей сложности также характеризуются 12 лексемами, встречаемость которых в ответах, однако, носит единичный характер: *пиндосы, футболисты, британцы, любители чая, чаеглоты, чайкуши, чаёвники, англы, саксоны, саксы, пьяницы*.

Китайцы номинируются 10 этнофолимами – *китаёзы* (10 употреблений), *узкоглазые* (8 употреблений), *японцы, азиаты, желтомазые, желтож...ые, желтолицые, желтобрюхие, алиэкспресс, казахи*.

Европейцы определяются 9 единичными этнофолимами – *москвичи, европеоиды, падаль, пьяницы, враги, пиндосы, белые, гейроповцы, полупокеры*.

По 9 неофициальных названий отмечено также для обозначения:

– афроамериканцев – *негры* (21 употребление), *нигеры* (5 употреблений), *черные* (4 употребления), *чернокожие, темнокожие, шоколадки, пиндосы, нига, чернож...ые*;

– итальянцев – *макаронники* (6 употреблений), *итальяшки* (4 употребления), *мафиози, пастаеды, спагетти (спагеттники), пармезано, пицца пепперони, пиццерия*.

Далее перечислим этнические группы, которые представлены небольшим количеством этнофолизмов, но отдельные зафиксированные единицы отличаются высокой степенью встречаемости.

Американцы (зафиксировано 6 этнофолизмов) – *пиндосы* (19 употреблений), *америкосы* (15 употреблений), *янки* (5 употреблений), *западники, америкашки, гады*.

Французы (всего 7 этнофолизмов) – *лягушатники* (10 употреблений), *фрики, багеты, франки, модники, круассанчики, батоны*.

Немцы (всего 7 этнофолизмов) – *фашисты* (14 употреблений), *фрицы* (5 употреблений), *нацисты, нацики, германцы, инницель, арийцы*.

В последней подгруппе объединены этносы, неофициальные номинации которых были знакомы далеко не всем респондентам, ответы малочисленны:

Поляки – *курва* (9 употреблений), *пишки*, *хохлы*, *шляхта*.

Турки – *монголы*, *османы*, *эрдоганы*, *хачи*, *чурки*, *кебабы*.

Шведы – *викинги*, *богачи*, *хоккеисты*, *ливонцы*, *норды*.

К частотным агрессивным этническим номинациям относятся такие лексические единицы, как *негры* – для обозначения афроамериканцев, *пиндосы* и *америкосы* – для обозначения американцев, *фашисты* – как номинация немцев, *лягушатники* – как номинация французов и *курва* – как обозначение поляков.

Такие результаты в целом соотносятся с тем, что в настоящее время отношения между Россией, США и европейскими странами переживают период кризиса, современная общественно-политическая обстановка и международная ситуация характеризуются напряженностью.

Если лексема *негр* является не чем иным, как давно бытующим квазистереотипом, известным молодежи, то лексема *пиндосы* утвердилась в интернете и других сферах коммуникации относительно недавно и используется по отношению к североамериканцам (ср.: *Пиндостан* – Соединенные Штаты Америки; варианты – *Пиндосия*, *Пиндоссия*, *Пендосия*). В полученных нами материалах данный этнофолизм употреблялся респондентами не только по отношению к американцам, но и по отношению к украинцам, англичанам, афроамериканцам и в целом европейцам. Б.Я. Шарифуллин прослеживает историю происхождения и употребления данной лексемы начиная с XIX в. (Шарифуллин, 2016: 349–350). В XX в. распространенными значениями данного слова «стали сначала – любой южный инородец, а в дальнейшем, как следствие, и – слабый физически и морально, безынтересный человек, слабак, бестолочь. Именно последнее значение этого слова (иногда в силу особенностей распространения сленга, звучавшее как – *пендос*²²) и получило наиболее широкое распространение в русской речи» (Шарифуллин, 2016: 350).

Вторую группу образуют результаты непосредственных межэтнических контактов, которые вербализуются следующими лексическими единицами (этнические группы перечислены по степени снижения языковой рефлексии):

Азербайджанцы (12 этнофолизмов) – *азики* (10 употреблений), *чурки* (9 употреблений), *азеры* (6 употреблений), *бакинцы*, *хачи*, *алё азия*, *азерботы*, *чучмеки*, *таджики*, *корсаки*, *красавчики*, *приезжие*.

Чеченцы (11 этнофолизмов) – *чехи* (12 употреблений), *чурки* (8 употреблений), *нонча*, *чешки*, *хачи*, *чечены*, *кадыровцы*, *бородатые*, *турки*, *обиженки*, *чучмеки*.

Узбеки (11 этнофолизмов) – *чурки* (5 употреблений), *гастарбайтеры* (4 употребления), *корсаки*, *шпаки*, *гастеры*, *хачи*, *рабочие*, *плов*, *черномазые*, *приезжие*, *насвайчики*.

Армяне (9 этнофолизмов) – *чурки* (6 употреблений), *ара*, *армяши*, *арараты*, *хачи*, *армяшки*, *арамчики*, *справа горы*, *братья*.

²² Выделено нами, так как именно в таком орфографическом облике оно чаще встречается в наших материалах.

Казахи (8 этнофолизмов) – *корсаки* (10 употреблений), *мамбеты*, *хачи*, *узкоглазые*, *кумысычи*, *казахтар*, *калайсы*, *чурки*.

Украинцы (8 этнофолизмов) – *хохлы* (34 употребления), *укропы*, *бандеры*, *укропчики*, *националисты*, *пиндосы*, *бандеровцы*, *братья* (2 употребления).

Грузины (7 этнофолизмов) – *хачи* (5 употреблений), *чурки* (5 употреблений), *биджо* (3 употребления), *гоги*, *работяги*, *слева горы*, *араратун*.

Дагестанцы (7 этнофолизмов) – *даги* (18 употреблений), *чурки* (8 употреблений), *москвичи*, *звери*, *хачи*, *корсаки*, *ара*.

Татары (7 этнофолизмов) – *корсаки* (5 употреблений), *татарлар*, *эчпочмак*, *мусульмане*, *чурки*, *ногай*, *хитрож...ые*.

Белорусы (6 этнофолизмов) – *картошка* (5 употреблений), *белые*, *бульбаши*, *славяне*, *братья*.

К частотным агрессивным этническим номинациям относятся такие лексические единицы, как *азики* и *азеры* – для обозначения азербайджанцев, *чехи* – для обозначения чеченцев, *хохлы* – как номинация украинцев, *хачи* – как номинация грузин и *даги* – как обозначение дагестанцев. Все единицы являются широко употребительными, маркированы в ответах респондентов «минусом» и могут быть обозначены как лексические маркеры уровня тревожности и напряженности межкультурных контактов народов.

Следует отметить две агрессивные лексемы, которые с разной степенью частотности встречались в ответах респондентов для обозначения лиц из Средней Азии и с Кавказа, исторически проживающих на территории Астраханской области казахов и татар, – *корсаки* и *чурки*. В Этимологическом словаре М. Фасмера единица *корсак*, заимствованная из казахского, киргизского, дается в том числе и в значении ‘местное название казахов’²³, широко распространенном на территории Астраханской области. У В.И. Даля находим: «В Астрахани так называют киргизов или кайсаков»²⁴. Слово активно употребляется в современной речи для оскорбительного обозначения представителей неславянских народов и, кроме того, проникает в разговорную речь в значении ‘глупый, ограниченный, непонятливый человек’. Например: *Ну ты и корсак, никак разобратся не можешь* (из устной речи).

Отрицательные коннотации закрепляются за лексемой *чурка* (*чурак*). У В.И. Даля слово фиксируется в значении ‘глупый, неповоротливый человек’, это же слово трактуется с пометой вологодск. ‘Небрачно рожденный, жировой, пригульный’²⁵, то есть «чужой», что впоследствии могло стать когнитивной основой для закрепления данной номинации за представителями «чужой» культуры.

Несмотря на то что подавляющее большинство зафиксированных этнофолизмов, обозначающих украинцев, по данным эксперимента, имеет негативный, пренебрежительный и оскорбительный характер, в материалах нами обнаружено два употребления положительно окрашенной номинации *братья*.

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах. Том 2. М. : Прогресс, 1986. С. 338.

²⁴ Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Том 1. М. : ТЕРРА, 1995. С. 170.

²⁵ Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 615.

Такой же лексемой отмечаются белорусы, по отношению к которым нами не зафиксировано ни одной агрессивной лексемы.

С лингвокультурологических позиций заметим, что номинация лиц по принадлежности к той или иной национальности базируется на определенных культурных кодах, то есть источниках окультуренного мировидения, служащих основой культурной интерпретации оязыковленного образа. Так, своего рода «строительным материалом» для этнических номинаций служит гастрономический код: лексемы *кебабы*, *сушисты*, *круассанчики*, *спагеттники*, *багеты*, *эчпочмак* и прочие носят шутливый характер и не отмечаются респондентами знаком «минус», то есть не воспринимаются ими в качестве оскорбительных. В то же время отдельные номинации, базирующиеся на данном культурном коде, являются агрессивными, например *макаронники*, *лягушатники* (в ответах респондентов они отмечены «минусом»), что, возможно, объясняется существенной разницей гастрономических предпочтений народов.

Осмыслению в контексте культуры подвергается антропоморфный код, так как в основе многих номинаций «чужих» этносов лежит указание на отдельные черты внешности, характерные для их представителей: *бородатые*, *узкоглазые*, *чернокожие*, *желтолицые* и др.

Отдельные этнические номинации детерминированы такими культурными кодами, как ландшафтный (*справа горы*, *слева горы*, *арараты*) и религиозный (*мусульмане*). Кроме того, следует упомянуть исторический опыт в качестве отдельного источника, указывающего на связь образа этноса с формой мировидения носителей русского языка (например, *викинги*, *иляхта*, *ливонцы* и др.).

Демонстрируя незначимость конкретного народа для национального сознания, респонденты называли представителей той или иной национальности, подменяя их другими этническими номинациями. Сравним: *монголы* как обозначение турок, *китайцы* как обозначение японцев, *казахи* как обозначение китайцев и т. п.

Сравнив данные, полученные в результате социолингвистического эксперимента, с лексикографическими данными, мы обнаружили, что лишь часть зафиксированных лексических единиц закреплена в словарях, то есть входит в систему национального языка (пусть и не в литературной его разновидности), другая часть носит окказиональный характер.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно положило начало формированию лингвокультурного подхода к изучению феномена агрессии, которая находит разные способы выражения в русском языке и актуализируется в речи.

Заключение

Лингвокультурологический аспект проведенного исследования показал, что основу языковой агрессивной семантики составляет конфликтогенная природа межкультурной и межэтнической коммуникации, которая детерминирует лингвистически выраженную интолерантность.

Вербальным проявлением агрессии является целый пласт лексики и фразеологии, само существование которых в языке и закреплённость в языковом сознании членов лингвокультурного сообщества свидетельствуют об агрессивных тенденциях, характерных для поля конфликтогенных номинаций. Такое семантическое поле образуется многочисленными негативны-

ми этническими номинациями («этническими прозвищами», этнофолизмами), которые направлены против представителей «чужой» культуры.

Перспектива исследования, на наш взгляд, связана с использованием его результатов в разработке концепции преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве, где фактор враждебности оказывает негативное воздействие на установление межэтнических контактов и препятствует воспитанию толерантной личности.

Список литературы

- Апресян В.Ю.* ИмPLICITная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды международной конференции «Диалог 2003». М. : Наука, 2003. С. 32–35.
- Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста. М. : Флинта : Наука, 2007. 592 с.
- Березович Е.Л., Гулик Д.П.* Homo ethnicus в зеркале языка : к методике описания // Etnolingwistyka : Problemy Jzyka i Kultury. Lublin : Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. No. 14. S. 47–67.
- Бринев К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография. Барнаул : АлтГУ, 2009. 252 с.
- Воронцова Т.А.* Речевая агрессия : вторжение в коммуникативное пространство : монография. Ижевск : Удмуртский университет, 2006. 252 с.
- Галяшина Е.И.* Основы судебного речеведения : монография. М. : СТЭНСИ, 2003. 236 с.
- Дашковский Х.* Словесная агрессия // Наука и жизнь. 1995. № 6. С. 99–101.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : ЛКИ, 2008. 284 с.
- Коробкова О.С.* Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности : социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.
- Лазебная И.Б.* Способы выражения речевой агрессии в английском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2007. № 8. С. 242–254.
- Лантева М.Л.* «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики. М. : КНОРУС ; Астрахань : АГУ, Астраханский университет, 2016. 212 с.
- Леонтьева Т.В., Щетинина А.В.* Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021. 424 с.
- Маковский М.М.* Феномен табу в традициях и в языке европейцев. Сущность – формы – развитие. М. : КомКнига, 2006. 280 с.
- Пекарская Е.А.* Речевая и поведенческая агрессия как причина коммуникативных неудач // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 170–174.
- Селиверстова Е.И., Волкова Л.Б., Сяньфэй Ма.* Эмоциогенный текст в кросс-культурном аспекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 260–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-260-276>
- Старова О.Е.* Средства массовой информации как источник агрессии // Прикладная психология и психоанализ. 2000. № 2. С. 15–21.
- Темиргазина З.К., Бачурка М.С.* Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 51–57.
- Файзуллина А.Г.* Функциональный аспект инвективных композитов в разноструктурных языках : монография. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2008. 240 с.
- Федорова Л.Л.* Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 67–82.
- Фофин А.И.* Русские и французские этнофолизмы как вербальные знаки национальной нетерпимости // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2008. № 1. С. 45–51.

- Черкасова М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ : монография. Ростов н/Д.: Ростовский гос. ун-т путей сообщ., 2011. 123 с.
- Шарифуллин Б.Я. Ономастические игры в российских информационно-психологических войнах // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 328–353.
- Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. 1999. Вып. 28. С. 204–222.
- Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М. : КомКнига, 2006. 360 с.
- Agar-Hutton R. How to deal with verbal aggression. London : Troubador, 2003. 112 p.
- Baker Edwin C. Hate speech // Extreme speech and democracy. Oxford : Oxford University Press, 2008.
- Baudhuin E.S. Obscene language and evaluative response. An empirical study // Psychological Reports. 1973. No. 32. Pp. 399–402.
- Dreizin F., Priestly T. A systematic approach to Russian obscene language // Russian Linguistics. 1982. Vol. 6. No. 22. Pp. 233–249.
- Infante D.A., Wigley C.J. Verbal aggressiveness : an interpersonal model and measure // Communication Monographs. 1986. No. 53. Pp. 61–69.
- Strossen N. Hate speech and pornography : do we have to choose between freedom of speech and equality? // Conferences and Symposia. Cleveland, OH : Case Western Reserve University, School of Law, 1995. Pp. 465–470.

Сведения об авторах:

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20а. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, лексическая и фразеологическая семантика. ORCID: 0000-0003-2412-1299. E-mail: hohlina2004@yandex.ru

Фирсова Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20а. *Сфера научных интересов*: медиалингвистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, дискурсология. ORCID: 0009-0008-3819-6586. E-mail: firsovamariaa@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439

EDN: GBLHRZ

Research article

Linguistic and cultural foundations of verbal aggression in the Russian language

Mariya L. Lapteva , Mariya A. Firsova

Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

 hohlina2004@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the insufficient study of the forms of aggression in the context of culture, as well as insufficient description of the extralinguistic prerequisites of aggression correlated with the subject area of culture, and intra-linguistic means and methods of cultural reference of aggression. The aim of the study is to identify the lin-

guistic and cultural foundations of expressing aggression in the Russian language and to describe the means of its verbalization through the prism of the binary category “Own/ Other”, which is the basis of ethnic conflicts. To achieve this aim, the method of definitional, semantic, linguistic-cultural analysis, descriptive method was used. A sociolinguistic experiment was conducted. Methods of continuous sampling from lexicographic sources and of quantitative calculations of the responses received by the participants of the experiment were applied. The research material included: 1) a corpus of more than 50 lexical and phraseological units of the Russian language taken from dictionaries, which verbalize aggressive attitude towards “foreign” culture and “foreign” ethnos; 2) a range of ethnopholisms obtained in the sociolinguistic experiment among high school students in Astrakhan. It was determined that aggression in the Russian language has a culturological explanation: it is conditioned by identifying the ethnos according to the principle of “own – other”. The linguistic and cultural basis of aggressive semantics is the semantics of “alienness”, which is expressed by demonstrating an obviously negative attitude to “alien”, which is the object of an aggressive action. A special group of lexical means – linguistic and cultural markers of aggression – includes units, negatively characterizing representatives/artifacts of a “foreign” culture. Linguistic and cultural markers of aggression are ethnopholisms. Aggressive nominations of ethnic groups historically residing both far abroad and in the Russian multicultural region are equally relevant in the linguistic consciousness of young people. From extralinguistic positions, the consolidation and activation of hostile lexico-phraseological means in the language are conditioned by the intercultural historical contacts of nations which are currently being reflected in the journalistic discourse, in Internet communication. The perspective of the research is seen in the use of its results for developing the concept of overcoming speech aggression in the educational space, where the factor of hostility has hindered the education of a tolerant personality.

Keywords: Russian language, verbalization, linguistic culture, own, other, ethnonym, ethnopholism

Article history: received 11.03.2023; accepted 28.06.2023.

For citation: Lapteva, M.L., & Firsova, M.A. (2023). Linguistic and cultural foundations of verbal aggression in the Russian language. *Russian Language Studies*, 21(4), 424–439. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439>